

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 134—147.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 134—147.

Научная статья

УДК 1:316:378

DOI: 10.46726/И.2022.2.15

УНИВЕРСИТЕТ В НООСФЕРНОЙ КАРТИНЕ МИРА В.И. ВЕРНАДСКОГО

Геннадий Петрович Аксенов

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, gen.aksenov@mail.ru

Аннотация. В фокусе статьи — общественно-политические взгляды академика В.И. Вернадского на университетское образование в России. Анализ состояния, перспектив высшей школы в контексте ноосферной картины мира предваряется кратким экскурсом в историю возникновения и становления университета как самостоятельного института. Фиксируется образ университета в рамках европейской культуры, обозначается его место и роль в идеологической, политико-экономической и, наконец, мировоззренческой системе. Выявлены базовые черты высшей школы, обеспечивающие ей статус определяющего фактора развития человечества, главным из которых выступает свобода (автономия). Раскрыто содержание концепта «учащийся народ» через призму представлений об онаучивании общественной жизни. Сделан вывод о том, что именно университет лежит в фундаменте цивилизации, именно он оказывается самым действенным проводником высшего мира знания в общественную жизнь, определяющим фактором становления ноосферы.

Ключевые слова: академик В.И. Вернадский, университет, европейские университеты, уставы российских университетов, автономия высшей школы, ноосфера, наука, научно-исследовательский институт

Для цитирования: Аксенов Г.П. Университет в ноосферной картине мира В.И. Вернадского // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 134—147.

Original article

UNIVERSITY IN V.I. VERNADSKY'S NOOSPHERIC PICTURE OF THE WORLD

Aksenov Gennady Petrovich

Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, gen.aksenov@mail.ru

Abstract. The article focuses on the socio-political views of academician V.I. Vernadsky on university education in Russia. An analysis of the state and prospects of higher education in the context of the noospheric picture of the world is preceded by a brief excursion into the history of the emergence and development of the university as an independent institution. The image of the university is fixed within the framework of European culture, its place and role in the ideological, political, economic and, finally, worldview system are indicated. The basic features of higher education are revealed, providing it with the status of a determining factor in the development of humanity, the main of which is freedom (autonomy). The content of the “learning people” concept is revealed through the prism of ideas about the scientification of social life. It is concluded that it is the university that lies at the foundation of civilization; it is the university that turns out to be the most effective conductor of the higher world of knowledge in public life, the determining factor in the formation of the noosphere.

Keywords: academician V.I. Vernadsky, university, European universities, statutes of Russian universities, autonomy of higher education, noosphere, science, research institute

For citation: Aksenov G.P. University in V.I. Vernadsky's noospheric picture of the world, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 134—147.

Введение. Университет как социальный институт высшего порядка появился в Европе в конце XI в. Он стал продуктом сочетания нескольких факторов всемирной истории. Во-первых, его формирование было обусловлено острой фазой борьбы двух ветвей власти — духовной и светской. Во-вторых, повлиял фактор восстановления античной науки и методологии, что позволило сформировать научное мировоззрение на базе школьной грамотности. Сегодня многие историки относят эпоху Возрождения на триста лет раньше [Brooke]. В роли третьего фактора выступили потребности муниципальной революции, обозначившей переход от родоплеменного строя к социальному.

К середине XI в. католическая церковь переживала глубокий кризис идентичности и была раздроблена. Поскольку многие епископы были не только главами церквей, но и держателями земельного лена от светского вассала любого ранга, те легко управляли ими по всем остальным делам. В том числе они собирали церковные соборы для решения вопросов веры. Соответственно, и император Священной Римской империи управлял папой Римским и даже зачастую назначал его.

Сопротивление местной власти началось во французском монастыре Клуни, который добился переподчинения от местного епископа напрямую папе Римскому. Множество монастырей по все Европе последовало этому примеру. В 1073 г. бывший клунийский монах Гильдебранд стал папой Римским под именем Григорий VII. В 1075 г. он издал «Диктаты», где провозгласил безусловный примат церкви над светской властью под лозунгом: «Король либо клирик, либо мирянин!». Иначе говоря, правитель ни в коем случае

не должен вмешиваться в дела церкви, а наоборот, должен подчиняться папе. Только папа Римский имел право издавать законы, т. е. имел высшую юрисдикцию над всеми властями. В целях единства и независимости церкви только папа назначает и снимает епископов. Из-за этого важнейшего пункта — права инвеституры — немедленно началась так называемая война пап и императоров. В наших учебниках она упоминается, но без объяснения ее всемирно-исторического смысла. В западной науке это событие называется «папская революция» [Берман].

Война закончилась в 1122 г. заключением Вормского конкордата, согласно которому папа назначал епископа как главу церквей, а светский сюзерен вручал ему знаки управителя земель.

За сто лет на волне духовного воодушевления в Европе возникли тысячи городов, полностью изменивших лицо континента. В отличие от других частей света они строились не возле вооруженного двора князя или рынка, а вокруг храма. Этот новый тип города назывался «присяжная коммуна», поскольку каждый гражданин давал клятву его защищать, а права города удостоверялись королевской грамотой как самоуправляемого поселения.

Но самое важное, что в ходе революции церковь, утверждая свою юрисдикцию, провозгласила права человека естественными, т. е. данными по рождению, от Бога, но не от государства. А чтобы транслировать небесную справедливость на землю, необходимо было разработать четкую правовую процедуру. Она была обретаена в виде открытого в то же время кодекса римского императора Юстиниана. По своей значимости книга была приравнена к творениям отцов церкви.

В Болонье монах Ирнерий создал школу толкователей римского права (глоссаторов), и устремившиеся сюда со всей Европы школяры в 1088 г. образовали свой цех, *университас*, который заключал договор с городским советом и приглашал лекторов. Очень быстро установился порядок занятий, существующий и до сегодняшнего дня: лекции, самостоятельная работа студентов, диспуты, защита диссертаций и присвоение дипломов доктора права. Вскоре в Болонью была переведена медицинская школа из Салерно, а затем образован и богословский факультет.

Именно такой трехчастный университет оказался чрезвычайно полезен городу. Бюргер остро нуждался в его выпускниках: юрист помогал ему в делах, врач заботился о его телесном здоровье, а священник о душевном. Легисты быстро разработали все отрасли права: административное, уголовное, корпоративное, торговое, морское, феодальное. Полностью преобразилась деловая жизнь, в нее вошли нотариат, правильно оформленные договора, ценные бумаги. Изменилась дипломатия, правоведы заполнили суды, дворы государей и городские ратуши. Стало расширяться образованное городское общество, а самоуправление стало в дальнейшем основой европейской свободы и открытого общества [Вебер]. Темные века кончились. Преобразились искусства, архитектура, литература.

Так наука сделалась главным орудием борьбы церкви со светской властью, и вскоре победила, так как оказалась выгодна всем. В европейских странах право вскоре вытеснило родовые обычаи, в том числе племенные «Правды», поскольку законы королей и князей освящались римским престолом. Повсеместно возникли правильные епископские суды в дополнение к городским и княжеским, которые могли решать не только дела веры, но и любые другие [Берман]. Церковь провозглашала равенство всех перед законом.

Университетская инфраструктура позволила сохранить и развивать науку как профессиональную деятельность. Ускоренными темпами совершенствуются инструменты умственного труда, прежде всего книги как источники знаний. К XV в. в Европе насчитывалось уже 86 университетов, они стали базой единой мировой цивилизации [Аксенов 2018].

Борьба за автономию. Вернадский прекрасно описал собственные чувства и чувства своих друзей при поступлении в университет в 1881 г.: «Выход в университет был для нас действительным духовным освобождением. Петербургский университет того времени на физико-математическом отделении был блестящим. Менделеев, Меншуткин, Бекетов, Докучаев, Фаминцын, М. Богданов, Вагнер, Сеченов, Овсянников, Костычев, Иностранцев, Воейков, Петрушевский, Бутлеров, Коновалов — оставили глубокий след в истории естествознания в России. На лекциях многих из них — открылся перед нами новый мир, и мы все бросились страстно и энергично в научную работу, к которой мы были так несистематично и неполно подготовлены прошлой жизнью» [Вернадский 1997: 207].

Для него и его студенческих друзей университет стал высшей жизненной ценностью. Более того, они специально изучали описанную выше историю университетов в каждой европейской стране. Вернадский исследовал английские Кембридж и Оксфорд, читал газетные парламентские отчеты о состоянии и проблемах высшей школы. Конечно, они хорошо знали, что истинно творческая атмосфера в Петербургском и в других университетах страны была далеко не случайна. Она создана великими реформами Александра II, когда стал действовать новый устав 1863 г. Он утверждал свободу профессорской корпорации, свободное посещение лекций, свободу студенческих организаций. Вернадский и его друзья возглавили созданное в то время студенческое научно-литературное общество. Он сделал здесь два первых научных доклада. Вернадский руководил еще Союзом землячеств университета.

Но именно в конце их студенчества в 1884 г. был издан новый Устав, покончивший с реформаторским либерализмом в университетах. Всякая выборность запрещалась, все решалось в министерстве народного просвещения. Студенческое научно-литературное общество было закрыто как «рассадник вольномыслия». Вот почему, став профессором минералогии и кристаллографии Московского университета, Вернадский вскоре включился в борьбу за изменение Устава. Дело в том, утверждал он, что правила внутренней жизни университета не являются безразличными к содержанию обучения. Наука не терпит регламентации, она есть область творчества, связанная со свободой человеческой личности. Поэтому университет должен быть подобен монастырю: максимально возможная независимость от внешних регламентаций и строгая дисциплина внутри. Правила жизни университета должны диктоваться не распоряжениями и законами государства, а самой наукой и научной деятельностью профессоров. Поэтому истинным хозяином внутри университета должен стать Ученый совет.

Вследствие нарушения этих исконных принципов к началу XX в. русские университеты переживали тяжелый кризис. Первыми его почувствовали студенты, начались волнения. Правительство ответило репрессиями, вплоть до отдачи в солдаты забастовщиков в Киевском университете. В довершение всего министр народного просвещения был убит террористом, и новый министр разослал в университеты циркуляр с предложениями по исправлению нестроения. Вернадский живо откликнулся на него брошюрой, в которой

описал историю русских университетов, оказавшихся с самого своего возникновения мало совместимыми с основами авторитарной власти. Закончилась история утверждением устава 1884 г., по которому, как оказалось, университет не может жить. Началось к тому же, как описывает Вернадский, повальное бегство в европейские университеты, прежде всего евреев и женщин, которые не могли получать образование на родине. Он подробно разбирает катастрофические последствия устава 1884 г., задержавшие течение университетской жизни, и предлагает следующие меры: «Полная автономия университетской профессорской корпорации, представленной Советом университета. Правление и другие хозяйственные комитеты являются его исполнительными органами, дающими ему отчет, и им выбираются. Совет выбирает ректора, деканов, профессоров и представляет их на утверждение министра народного просвещения. Совету предоставлено право утверждения университетской сметы и ревизии ее исполнения» [Вернадский 2002: 142].

В остальных пунктах Вернадский утверждает, что министр руководит университетом через попечителя учебного округа, который следит только за соблюдением закона университетскими властями; инспекция как средство слежки за студентами и преподавателями должна быть ликвидирована; вводится свобода посещения лекций и студенческой самодеятельности; доступ в университет должен быть расширен, а его средства увеличены.

Вернадский разослал брошюру заинтересованным лицам, и началась бурная и гласная общественная борьба за утверждение автономии, закончившаяся определенным успехом [Аксенов 2015: 121—125]. 27 августа 1905 г. царь утвердил требования профессоров своим указом и ввел временные правила с началами автономии. Первым выборным ректором Московского университета был избран профессор, философ князь Сергей Николаевич Трубецкой. Однако его ректорство продолжалось недолго, он скоропостижно скончался 27 дней спустя. Через три года, в статье памяти своего дорогого друга, Вернадский ярко описал личность Трубецкого, знатока греческой философии, которую он преподавал. Вернадский показал, как творческая мысль философа, причем глубокого мистика по своей натуре, становится ценнейшим достоянием национальной культуры.

«Мы наблюдаем в его жизни и в философском мышлении живой пример глубокой гармонии обычно разделенных проявлений духовной жизни человека — мистических элементов веры, философского мышления и научной мысли. Его *личность* всюду вносила необходимый корректив и создавала своеобразную гармонию» [Вернадский 1997: 165].

Но университетская автономия продолжалась недолго, всего шесть лет. Без всяких указов она была ликвидирована распоряжением министра о снятии со своих постов руководства Московского университета, которому поставили в вину участие студентов в похоронах Льва Толстого. В знак солидарности с ректором 21 профессор и 130 преподавателей и ассистентов подали в отставку. Вернадский писал в 1912 г.: «Научные и академические традиции глубоко вошли в русскую школу, и не могут ученые — в целом — долго беспрекословно подчиняться канцеляриям. Те, кто замещает ушедших, далеко не в большинстве своем являются послушными чиновниками. Многие из них станут на ту же академическую почву, на которой стояли ушедшие и изгнанные» [Вернадский 2002: 199].

К идеалу учащегося народа. Несмотря на тормозящую политику Министерства народного просвещения, новые учебные заведения развивались

невиданными темпами. Во-первых, университеты, институты и специальные школы открывались благодаря усилиям других министерств, остро нуждавшихся в высокообразованных специалистах. Во-вторых, их учреждали общества. Так, например, в Москве купеческое общество открыло в 1906 г. Коммерческий институт, ректором которого стал еще один друг Вернадского и соратник по кадетской партии, бывший профессор Московского университета П.И. Новгородцев. В-третьих, впервые в истории страны высшие учебные заведения стали открываться частными лицами. В Москве в 1908 г. начал работу университет, созданный на средства и по завещанию золотопромышленника А.П. Шанявского. Вернадский принял участие в долгой борьбе за преодоление позиции министерства, всячески противившегося открытию, а затем преподавал в университете, который просуществовал до 1918 г.

В стране нарастало и встречное движение — стремление молодежи к повышению своего образования. На такой волне земства в губерниях создавались общественные университеты, не выдававшие дипломов о высшем образовании.

Вернадский, чутко ловивший тенденции в области образования, в течение трех предвоенных лет анализировал его в годовых обзорах состояния высшей школы [Вернадский 2002: 219—261]. Они не потеряли своего значения и до сегодняшнего дня, поскольку в них общественные явления увязывались с мировыми процессами эволюции науки. К этому времени у него начало складываться глубоко научное представление о планете как о месте обитания жизни, которая находится в развитии, в подвижном состоянии. Книга «Геохимия», в которой представлено новое знание о поверхности планеты, вышла во Франции через 10 лет после этих обзоров. Основываясь на сформированном в его книге понятии о человечестве как геологической силе космического масштаба, философы П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа создали термин «ноосфера», отображающий современное состояние биосферы, в которой лидирует научная мысль и научная практика людей. Вернадский принял этот термин позднее, хотя само явление природы описал значительно раньше, в том числе в одном из упоминающихся обзоров высшей школы в России, а именно в анализе ее состояния за 1913 г.

Современная форма высшего образования, говорит в этой замечательной статье Вернадский, уходит своими корнями в средневековье, но за последние десятилетия, начиная с середины XIX в., она претерпела глубокие изменения вследствие колоссального роста научного знания. «Благодаря усилению этого темпа старые уклады передачи молодым научно достигнутого быстро становятся неподходящими, приходится создавать новые формы, вводящие завоевания науки и техники в извека сложившиеся прежнюю жизнью человечества схемы, системы, предметы высшего образования» [Вернадский 2002: 206].

Наука, так резко меняющая содержание научного образования благодаря внесению научности в отношения людей, образует и новую социальную среду. Если раньше общественная жизнь и формы государственности базировались на религиозных идеологиях или на основе обычаев народа, то наука уже с самого начала, обосновавшись в университетах, начала их переделывать на чисто научных началах. Наука глубоко демократична, в ней нет преклонения перед авторитетами. Первоначально полученная личностным путем научная истина с течением времени и приростом знания обезличивается и становится всеобщим и бесспорным достоянием. Она входит в жизнь ненасильственно. Вот почему, пишет Вернадский, «демократизация жизни и тесно связанное с ней уважение ко всякой без исключения человеческой личности

исторически были прямым и непосредственным следствием научных успехов и роста научных знаний и научной техники» [Вернадский 2002: 207].

И третьим важнейшим следствием роста высшего образования стало распространение единой культуры на весь земной шар. Родившись в средние века, наука и университет постепенно принимаются остальными странами. В наше время, указывает Вернадский, последние страны древних культур — Китай, Индия, Япония, Индокитай и мусульманский восток покончили с изоляцией. «Только наука и тесно связанная с нею техника вызывают единство культуры для всего человечества, достигают того, к чему напрасно стремились различные формы религии и школы философии. Это является неизбежным следствием самой сущности науки — единой, в основе своих выводов для всех обязательной и непререкаемой. Одной из форм организации научной работы является высшая школа» [Вернадский 2002: 208].

Развитие научного знания вызывает и еще одну интересную особенность высшей школы, которой раньше не было, а именно — участие взрослых людей в образовании. Сегодня уже нельзя овладеть профессией как раньше — раз и навсегда, необходимо пополнять свои знания в соответствии с ростом науки. Вернадский предрекает, что наступит такое будущее, в котором люди будут учиться на протяжении всей своей жизни.

Изменится и фундамент университета — элементарная школа. Гимназия и реальные училища уже сейчас, замечает он, превышают объем знаний старого университета двухсот- и трехсотлетней давности. Появился высший тип школьного образования — специализированные колледжи (США и Англия), французские лицеи. В России такой формой был Александровский лицей и Училище правоведения, но министерство не дает простора такому образованию.

Ну и наконец, самой заметной особенностью университетов нашего времени, говорит Вернадский, является их деятельное участие в научно-исследовательской деятельности. Если ранее они считались организациями для обучения юношества, и министерство к такому идеалу и стремилось — к превращению вузов в лицеи, то теперь в связи с научной революцией конца прошлого — начала нынешнего века, они включаются наравне с исследовательскими организациями в научную деятельность. Профессор не только обучает, но ведет самостоятельную исследовательскую работу. Вот почему в вузах возникают не только музеи и библиотеки, но и лаборатории, ведущие изучение объекта наравне с обучением дисциплины. «Лаборатории, клиники, научные институты, семинарии большого, хорошо устроенного университета со второй половины XIX века получили широкое развитие и место в преподавании, изменили до неузнаваемости старинный университет прежнего времени» [Вернадский 2002: 216].

В то же время количественный рост таких обученных специалистов, не обязательно являющихся хорошими преподавателями, заставляет расти и новые отрасли, говорит Вернадский, уже не связанные напрямую с обучением юношества. В следующих словах он вдумывается в смысл процесса, раскрывающего понятие о ноосфере, которое вскоре займет такое видное место в его мировоззрении: «Эти лаборатории, музеи, сады, институты отчасти стоят отдельно, частью связаны с академиями и свободными обществами. С каждым годом сеть этих учреждений растет, и сейчас мы видим в этой среде любопытные попытки мировой организации — первые шаги общечеловеческой научной организации исследовательской работы» [Вернадский 2002: 217].

Вернадский во главе министерства народного просвещения. После февраля 1917 г. и создания Временного правительства Вернадский как член ЦК конституционно-демократической партии, как широко известный профессор и академик выходит на первые роли в сфере организации науки и высшего образования. Уже в марте он назначен председателем Комиссии по ученым учреждениям и научным предприятиям и членом комиссии по реформе высших учебных заведений при Министерстве народного просвещения. В июне возглавил выборную должность при Министерстве земледелия — председателя Сельскохозяйственного ученого комитета (СХУК).

В августе друг и коллега по Академии наук, ее неперемный секретарь академик Сергей Федорович Ольденбург был назначен министром народного просвещения и предложил Вернадскому стать у него заместителем, товарищем по тогдашней терминологии. Сознавая всю шаткость положения, Вернадский тем не менее согласился и оставался на этой должности и после ухода Ольденбурга вплоть до большевистского переворота, в уже ушедшем в подполье Временном правительстве. С арестом министра, профессора С.С. Салазкина он фактически взял на себя все министерство и вместе с другими членами правительства подписал два важнейших документа: декларацию об объявлении большевиков узурпаторами и постановление о созыве Учредительного собрания. Они появились в уцелевших еще газетах, после чего Вернадский был вынужден бежать на Украину, где он создал Академию наук, Национальную библиотеку и возможные в тех условиях вузы.

Таким образом, его министерская деятельность продолжалась недолго, но и она не пропала даром, поскольку у него была конкретная программа резкого улучшения всей системы высшего образования и науки в стране. Вспоминая эти месяцы, Вернадский писал: «Я столкнулся здесь с чрезвычайной случайностью распределения высших учебных заведений в нашей стране и с чрезвычайной редкостью и случайностью больших центров научной работы, не связанных с высшей школой. В короткое время, пока мне пришлось работать, был открыт Пермский университет, подготовлявшийся еще годами до революции... Поднят вопрос о создании <...> Грузинской Академии наук и об Академии наук на Украине и в Сибири» [Вернадский 1994: 209].

Украинскую Академию он создавал в 1918 г., но уже в независимом государстве. В своем же Министерстве на ноябрь 1917 г. он планировал общее собрание профессоров высшей школы страны с широкой программой полной реформы. Одновременно в его планы входило предложить правительству программу создания широкой сети научно-исследовательских институтов, распределенных по стране. В двух номерах самой авторитетной газеты «Русские ведомости» Вернадский проанализировал обширное и взрывное изменение роли научных исследований, происшедших в военное время: «Мысль людей направлена на будущее, на устройство жизни, в котором они были бы обеспечены от катастроф, подобных переживаемым, на возможно быстрый и менее мучительный выход из последствий войны, на восстановление нарушенного войной государственного и частного хозяйства. При таком настроении человечества приобретают огромное значение те возможности, которые открываются во всех этих направлениях при широком развитии научного мышления, научного исследования, научной творческой работы» [Вернадский 2002: 59].

Указав, что в других странах именно научно-исследовательские организации становятся локомотивами возрождения наций после войны, Вернадский пишет, что фактически становятся насущной практикой казавшиеся

ранее утопическими мечтания лучших умов человечества, уже с XVI в. предрекавших наступление царства науки. Однако при такого рода планировании следует сознавать, что только свободное научное творчество должно стать заботой государственных органов, причем без деления на прикладные и чистые исследования, на науки естественные и общественные: «Прикладные научные исследования науки получатся просто и легко, когда в государстве будут созданы люди науки и научные организации, находящиеся во всеоружии знания в максимально доступной для человечества в настоящий исторический момент времени» [Вернадский 2002: 60—61].

Явная и обнадеживающая особенность наступающего мирового этапа развития на научной основе заключается в ее социальной роли: наука легко и свободно, без всякого государственного насилия объединяет страны и народы. Для России эта черта научного действия особенно ценна и крайне необходима. Страна разнообразна по природным условиям, а самое главное — по своему племенному составу, но зато ее территория едина, у нее нет заморских земель. Вот почему правильно распределенные по всей стране научные организации способны объединить населяющие ее народы. Наука выгодна всем. Она есть средство покончить, наконец, с государственным насилием, выразившемся в том числе и в русификации. «В целях государственного единства наши стремления должны идти по другому направлению, чем они идут сейчас. Мы должны смело и решительно стремиться к государственной организации взаимного ознакомления составляющих Россию народностей, к государственной организации их изучения, к государственному содействию их стремлениям в этом направлении. Должна оказываться широкая государственная помощь изучению истории, языка, этнографии, литературы населяющих Россию народностей, изучению родоноведения отдельных областей нашей страны. Все эти стремления должны из области центробежных сил, какими они теперь являются, перейти тем самым в область сил, сливающих государственное единство» [Вернадский 2002: 67].

При этом народности, населяющие страну, получают такие средства для своего культурного и экономического роста, которые они никогда не получают при централистской организации государства. Необходимо помнить, добавляет Вернадский, что, организуя и поддерживая научное творчество, государство не должно и не может вмешиваться в существо научной творческой работы. Наука по своей форме представляет сферу новизны, также как искусство, религия и философия, но содержательно дает основу более могучую и более вечную, чем другие виды творчества. То есть и сама организация науки должна быть предоставлена творчеству свободной личности. «Задачей является не государственная организация науки, а государственная помощь научному творчеству нации» [Вернадский 2002: 69].

Эти строки, опубликованные в июне 1917 г., могут рассматриваться не только как упущенный путь научного развития страны, которая буквально через три месяца в угоду утопической идеологии стала на путь насильственного скрепления своих частей. В те немногие месяцы работы во Временном правительстве Вернадский мог претворить в жизнь свои прежние тезисы, выработанные в обзорах высшей школы. Он твердо знал, что высшее образование — и о том говорил весь опыт университетов в Европе — успешно работает при любых переменах власти, если, конечно, его физически не уничтожают. Университет как будто совсем не связан с властью, поскольку не требует от нее управления, он автономен в согласии с высшим уровнем

человеческой организации. «Они (научные работники. — Г.А.) должны и в эпоху революционной разрухи увеличивать интенсивность научной работы и организацию высшего образования уже потому, что обе эти стороны духовной деятельности человека по самой сути своей требуют непрерывного развития и расширения, раз только они являются живыми: *всякая* остановка их роста, даже при продолжении их функционирования, является для них недопустимой и равносильной застою и разложению» [Вернадский 2002: 81].

Вернадский указывает на тот урок, который высшая школа получила в предреволюционный период: она развивалась вопреки политике министерства народного просвещения под давлением самой жизни, выражавшейся в огромной тяге молодежи к знаниям. В условиях свободы даже за немногие месяцы было сделано немало. Удалось создать несколько новых центров высшей школы, начали выработываться новые типы высшего образования, проведены в жизнь начала автономии. Быстрыми темпами шло продвижение высшей школы на восток страны, как и рассчитывал Вернадский, создавались новые факультеты, в частности, востоковедческие, связанные с изучением арабского языка и культуры и вообще меняющиеся в связи с местной жизнью и местной культурой.

Впервые в истории страны был составлен государственный план организации научной работы. Бюджет науки поднялся с 780 тысяч рублей в 1917 г. до миллиона в 1918 г. [Вернадский 2002: 88]. Согласно плану Вернадского на начало года созывался съезд представителей всех ученых организаций с целью создания Союза ученых учреждений. Эта мощная структура должна была влиять самым «широким образом» на государственную помощь научным организациям независимо от подчиненности: центральному правительству, ведомственным, местным и частным учреждениям. Фактически должен был быть создан Фонд помощи научным работам, которые создались значительно позже, в самом конце советской власти для раздачи грантов учреждениям или отдельным ученым. Не менее грандиозные планы Вернадский намечал и в СХУКе.

Менялась вся картина высшего образования и науки. Она становилась полностью автономной от государственного вмешательства. Ученый труд не нуждается в руководстве. Совершенно самостоятельной становилась Академия наук, Геологический комитет и другие учреждения науки. Такова была обстановка накануне большевистского переворота. Но, пишет Вернадский: «Работа Министерства народного просвещения была со всеми ее многочисленными проектами и начинаниями разрушена государственным переворотом, и началась деятельность Комиссариата народного просвещения» [Вернадский 2002: 85].

Характерной чертой нового строя оказалось новая роль студенчества и преподавателей вузов. Если ранее они были одной из сил революционного движения, то теперь они оказались в страдательном положении. Тем не менее, и в новых условиях высшая школа, как представительница высшего уровня бытия по сравнению с другими учреждениями старого режима, пострадала в наименьшей степени, хотя автономия всех учреждений была заглушена «полицейской и бюрократической» новой властью, а все планы были остановлены.

Какая революция победит? Буквально через три месяца после этой статьи Вернадский начал свое недобровольное и чреватое иногда смертельным риском путешествие по югу России, длившееся три года. В течение всей гражданской войны он укреплялся в уверенности, что научная революция окажется гораздо более мощной силой, чем социальная революция. Именно за эти три года он написал важнейшие работы, в которых разработал будущие черты

ноосферы, еще не зная самого этого термина. Если его вывод о научном развитии человечества верен, значит, он должен быть доказан социальной практикой.

Оказавшись во франгелевском Крыму, здесь, на этом клочке еще свободной русской территории, он мгновенно начал создавать инфраструктуру научно-технического прогресса. Умственный потенциал полуострова в 1920 г. стремительно вырос за счет спасавшихся от большевиков научных работников. Для их объединения Вернадский по образцу академической Комиссии по изучению естественных производительных сил сразу создал такую же в Крыму, организовал ряд экспедиций для разведки самых необходимых и первоочередных ресурсов. Как и общероссийская Комиссия, она стартовала мощно, вскоре уже был выпущен первый сборник трудов о естественных производительных силах полуострова: о злаках, белой глине, морских ресурсах.

И в первом же докладе в КЕПС Крыма он обосновал главное положение будущей теории ноосферы — о человечестве как геологической силе. Именно благодаря науке и научной мысли люди становятся не просто частью биосферы, но стремятся к уровню мощности бактерий как ведущей геологической силы. Вернадский обратил внимание, что события мировой войны и русской революции повергли многих ученых и вообще сознательных людей в скепсис относительно стройного течения человеческого прогресса и падения культуры человечества. «Мне представляются эти опасения противоречащими тому значению и тому положению, которое занимает наука нашего времени. Никогда еще в истории человечества не было такого периода, когда наука так глубоко охватывала бы жизнь, как сейчас. Вся наша культура, охватившая всю поверхность земной коры, является созданием научной мысли и научного творчества. Такого положения еще не было в истории человечества и из него еще не сделаны выводы социального характера» [Вернадский 1997: 131].

Начиная с 1916 г. Вернадский работает над концепцией глубокой связи общественного развития с природой, которая для него уже не философское, а точное понятие, т. е. биосфера как геологическая оболочка планеты, образованная живым веществом. Соответственно, он уже уяснил себе, хотя и не мог напечатать такого рода работы, что появление в ходе эволюции разума и человечества тоже не является случайным явлением. Напротив, оно готовилось много миллиардов лет — пока неизвестно сколько — хода геологических событий, синхронных и неотделимых от биологической эволюции. И потому называет его появление стихийным, т. е. естественным и закономерным, не зависящим от воли человека, как бы необычно это не звучало. Человечество в целом производит геологическую работу, аналогичную деятельности всего остального живого вещества. С появлением науки эта работа резко усилилась и сейчас уже становится заметной невооруженным взглядом. «Структура человеческой жизни должна — и неизбежно будет — изменена в том направлении, которое соответствует тому естественному стихийному процессу, в который как неизбежное звено входит культурная работа человечества» [Вернадский 1997: 133].

Как происходила перестройка высшей школы на советский лад, Вернадский ощутил на своем горьком опыте в Таврическом университете. Выздоровев от едва не погубившего его тифа, в марте 1920 г. он был избран профессором на кафедру минералогии, а в сентябре — ректором университета. Но ректорство его продолжалось только до начала 1921 г. В ноябре в Крым вошли красные войска, власть оказалась в руках ревкома и чекистов. Научные учреждения и университет немедленно подверглись чистке, а профессора

должны были путем опроса подтвердить свою лояльность новой власти. Вернадский написал в своей анкете, что он против любого террора, в том числе и «революционного» и был вскоре уволен с должности ректора. Ни о какой автономии университета речь уже не шла. Но самое главное — началось разделение университета на самостоятельные школы прикладного характера. В 1925 г. Таврический университет, уже переименованный ранее в Крымский, перестал существовать. Но Вернадский, хотя и был отстранен от ректорства, не мог стерпеть такой перестройки, разрушившей не только его практику, но и зачеркнувшей многосотлетнюю историю университета. Он написал специальную записку новым властям, объяснив всю пагубность их политики.

Он писал, что университет стоит выше всякой власти и самого государственного строя. Не бывает науки буржуазной и социалистической, чем оправдывали новые реформаторы свои действия. Наука и соответственно высшая школа едина и неделима. Превращение университета в прикладные институты на самом деле деяние не социалистическое, а наполеоновское. Это Бонапарт хотел «приблизить школу к жизни» и реорганизовал университеты, что привело к их упадку и к необходимости последующего восстановления предыдущего состояния. «Приближение обучения к жизни» есть пагубный путь консервирования практики вместо ее развития. Университет должен существовать как целое. «Грань между прикладной наукой и чистой наукой в XX веке исчезла, и с каждым годом техника все глубже охватывается чистым знанием, а теория все сильнее облекает задачи практической жизни. И было бы величайшей ошибкой для всякого народного правительства, вырывая из науки ее часть, давать народу полужнание как раз в тот момент, когда можно дать ему полное знание» [Вернадский 2002: 263].

Такая политика непредусмотрительна. Если, как заявляет власть, республика окружена врагами, то в тех государствах знание развивается в полном его объеме, с годами они заведомо становятся сильнее. Там существует не только техническая выучка, но и научная техника. «Наука идет сейчас вперед с небывалой в истории быстротой и переживает в данный момент революцию, по своему значению и глубине более значительную, чем та социальная революция, которая так нас охватывает в жизни» [Вернадский 2002: 264]. И потому нельзя отделить медицинский и агрономический факультеты от их глубинного источника — физико-математического факультета. Это означает уничтожение высших отделов знания. Не менее пагубно, указывает он, уничтожение философского факультета и факультетов общественных наук. «В философско-словесном факультете сосредоточено изучение и углубление философских дисциплин, без которых не может существовать университет и не может идти жизнь цивилизованного человечества. В нем идет изучение драгоценного орудия всякого школьного преподавания — языка и духовной культуры народа. Его уничтожение наносит непоправимый удар первоначальному школьному обучению. <...> Без университета поставить его правильно и прочно невозможно» [Вернадский 2002: 265].

Вернадский в этой записке еще раз подчеркивает идею науки как фактора новизны и мощного развития всех сторон общественной жизни. Она не должна быть поставлена в зависимость от политики, а также от религиозных и социальных форм жизни, которые в отличие от науки всегда преходящи и зыбки. «Она нужна всякому народу, если он хочет выйти победителем из тех тисков, в какие его поставило его тяжелое прошлое. Новый социалистический строй будет прочен только тогда, когда он даст свободу научному

творчеству, а не тогда, когда он будет против него бороться, и поставит его в тиски каких бы то ни было религиозных, социальных или политических мнений» [Вернадский 2002: 267].

Катастрофические результаты отказа от научного, фактически ноосферного пути развития хорошо известны нам по дальнейшей истории. Гибель огромного количества людей, упрощение жизни, низведение ее на примитивный уровень выживания стали платой за выбор антинаучного «особого» пути, уклонившегося от законов геологического, биосферного и исторического развития. Вернадский провидел такие результаты уже тогда.

Заключение. Итак, мы видим, как глубоко Вернадский изучил постановку высшего образования в условиях, когда наука охватила все стороны социальной жизни. Собственно говоря, можно чисто количественно проследить этапы такого «онаучивания» по принципу востребованности научных знаний и квалифицированного труда обществом. При своем возникновении университет, а именно правоведческий факультет, инициировал коренное изменение всего лишь одной сферы общественной жизни — деловой. Он ввел в нее научные основы права. По исторической литературе хорошо заметно, как преобразилось в Европе это древнее занятие — торговля, обмен, финансы — при внедрении в него договорного права, нотариата, ценных бумаг, бирж, позволивших правильно суммировать капиталы. В других частях света вся эта сфера осталась без изменений.

Затем на научную основу был поставлено не менее древнее учреждение — суд. В качестве епископского капитула он отделился от светской власти и стал выше нее как учреждение, представляющее божественную справедливость. По этой причине суд принял уже выработанную ранее в Риме правильную форму, дававшую возможность состязания сторон и тщательного изучения вины подсудимого. Таким путем из средства простого наказания людей, чем суд был в племенных союзах (например, Салическая правда, или «Русская правда»), он стал средством установления истины, и следовательно, орудием научного исследования самой социальной жизни и поведения людей.

Из юридического факультета постепенно вышел целый спектр наук: психология, педагогика, социология, политология и другие общественные дисциплины. Возникло и было глубоко разработано неизвестное в других частях света понятие о правовом государстве и о публичной власти. Оно позволило, в конце концов, разработать научные основы демократического строя, которое постепенно претворялось в жизнь, и которое Вернадский считал именно прямым следствием развития общественных наук в университетах. Аналогичная эволюция произошла с медицинским факультетом, от которого отпочковались практически все естественные науки.

Таким образом, университет лежит в фундаменте всей европейской цивилизации, которая постепенно превращалась и продолжает превращаться в единую мировую.

Вернадский глубоко изучал этот исторический путь развития университета. И не только изучил, но, обладая огромными организаторскими способностями, постарался претворить изученные им идеи в жизнь. Его фундаментальные знания эпохи ноосферы и его практическая деятельность, воодушевленная этим знанием, и сегодня имеет большое значение. И в этом смысле учение о ноосфере принадлежит не прошедшему этапу науки, не только ее истории, а будущему.

Список литературы / References

- Аксенов Г.П. Вернадский. М.: Молодая гвардия, 2015. 526 с.
(Aksenov G.P. Vernadsky, Moscow, 2015, 526 p. — In Russ.)
- Аксенов Г.П. Глубинная история человека. От христианства до ноосферы. М.: Либлинком, 2018. 376 с.
(Aksenov G.P. Deep human history. From Christianity to the noosphere, Moscow, 2018, 376 p. — In Russ.)
- Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1994. 622 с.
(Berman H.J. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition, Moscow, 1994, 622 p. — In Russ.)
- Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.
(Berman H.J. Faith and Order: The Reconciliation of Law and Religion, Moscow, 1999, 431 p. — In Russ.)
- Вебер М. Город. М.: Strelka press. 2018. 252 с.
(Weber M. City, Moscow, 2018, 252 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Дневники 1917—1921. Октябрь 1917 — январь 1921. Киев: Наукова думка. 1994. 272 с.
(Vernadsky V.I. Diaries 1917—1921. October 1917 — January 1921, Kyiv, 1994, 272 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. О науке. Т. 1. Дубна: Изд. Центр «Феникс». 1997. 576 с.
(Vernadsky V.I. About science, vol. 1, Dubna, 1997, 576 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. О науке. Т. 2. СПб: РХГИ, 2002. 598 с.
(Vernadsky V.I. About science, vol. 2, St. Petersburg, 2002, 598 p. — In Russ.)
- Brooke Ch. The Twelfth Century Renaissance, N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1970. 216 p.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Аксенов Геннадий Петрович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории наук о Земле, Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, г. Москва, Россия, gen.aksenov@mail.ru

Aksenov Gennady Petrovich — Candidate of Sciences (Geography), Leading Researcher of the Department of the Earth Sciences History at Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, gen.aksenov@mail.ru